

Научная статья

УДК 159.9.072.43

<https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.13>

Детско-родительские отношения и индивидуальный опыт как структурные детерминанты виктимизации в юношеском возрасте

Ольга О. Андронникова^{1*} , Юлия М. Перевозкина¹ , Олеся И. Леонова²

¹Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Российская Федерация

²Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: andronnikova_69@mail.ru

Аннотация

Введение. В научной литературе представлено недостаточно исследований, определяющих специфику детерминант конкретного типа виктимного поведения. Цель исследования заключается в изучении структурной детерминации детско-родительскими отношениями и индивидуальным опытом предрасположенности и реализации различных форм виктимного поведения в юношеском возрасте. Нами впервые проанализировано объединение социальных факторов, представляющее целостный синтез, который напрямую обеспечивает реализацию форм виктимности в период юности. **Методы.** В исследовании (общее число респондентов – 340) приняли участие молодые люди в возрасте от 16 до 18 лет, из которых 191 девушка и 149 юношей. В исследовании использовались методики «Биографический опросник» (BIV) (Bottscher, Jager & Lischer в адаптации В. А. Чикер), «Детско-родительские отношения подростков» (ДРОП) (П. Трояновская), «Методика исследования склонности к виктимному поведению» (О. О. Андронникова). Для обработки и анализа данных были использованы критерий хи-квадрат Пирсона и множественный регрессионный анализ (пошаговая регрессия). Проведенный регрессионный анализ свидетельствует о прогностическом влиянии моделей детско-родительских отношений и социальных факторов на параметры, отражающие склонность к виктимному поведению у юношей ($p < 0,000$). **Результаты.** Выявлена специфика структурных детерминант (детско-родительские отношения, опыт негативных детских переживаний) виктимного поведения разного типа. Анализ регрессионных моделей позволяет сделать вывод о прогностическом влиянии социальных факторов на возникновение склонности к конкретным типам виктимного поведения с учетом вклада каждого фактора в общую систему детерминант. **Обсуждение результатов.** Использование полисистемного принципа позволило выявить взаимное структурное влияние социальных факторов, превосходящее их простую совокупность, на склонность к реализации конкретных форм виктимности.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, семейное воспитание, виктимное поведение, индивидуальный опыт, переживание насилия, наказание, юношеский возраст, детерминанты виктимизации, негативные переживания, полисистемный принцип

Для цитирования: Андронникова, О. О., Перевозкина, Ю. М., Леонова, О. И. (2023). Детско-родительские отношения и индивидуальный опыт как структурные детерминанты виктимизации в юношеском возрасте. *Российский психологический журнал*, 20(1), 202–217. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.13>

Введение

Вопросы детерминации виктимизации в юношеском возрасте особенно актуальны в свете вызовов современного общества, когда с одной стороны наблюдается значительное увеличение стрессовых нагрузок социального, психологического, информационного генеза, а с другой – возникает задача воспитания личности нового типа с высоким уровнем психологического благополучия.

Достаточно большое внимание в современных исследованиях как в России, так и за рубежом уделяют влиянию детско-родительских отношений и опыта детских переживаний на специфику личностных особенностей, самовосприятие и поведение человека в более позднем возрасте. Исследование семейных предиктов и коррелятов нарушений самоотношения и социального взаимодействия, приводящих к виктимизации, имеют непосредственное теоретическое и практическое значение.

В зарубежной психологии интерес к семье в контексте возникновения деструктивного поведения проявился в ранних теориях социальной дезорганизации (Gove & Crutchfield, 1982) и в модели Т. Хирски (Hirschi, 1969) о социальных связях. Семейное влияние на преступное поведение и его изменение с возрастом рассматривалось в исследованиях Т. Е. Моффитта (Moffitt, 1993) и Дж. Р. Паттерсона (Patterson & Yoerger, 2002). Авторы анализировали взаимообуславливание деструктивных форм поведения подростков и ужесточения дисциплинарных стратегий родителей, приводящего к более суровым наказаниям и меньшей вовлеченности родителей в процесс воспитания, что, в свою очередь, повышало риск возникновения делинквентного поведения подростков, которое сохранялось и во взрослом возрасте (Ballano, 2019; Moffitt, 1993; Patterson & Yoerger, 2002).

В современной отечественной психологии вопросы влияния семьи и специфики детско-родительских отношений на деструктивное поведение ребенка освещены в ряде научных публикаций (Авдеева, Хоффман, 2019; Белобрыкина, Лимонченко, 2017; Ермолаева, Смирнова, 2020; Кузнецова, 2018). Так, Ермолаева и Смирнова (2020) отмечают значение возникающих дефицитов (например, в эмоциональном тепле, внимании, контакте, принятии и др.) в формировании поведенческих стратегий ребенка и его личности. Особое внимание уделяется стилю родительского воспитания и отношению к ребенку в семье как фактору возникновения личностных деструкций и девиантных стилей поведения ребенка (Перевозкин, Андронникова, Перевозкина, 2018).

К возникновению виктимных форм поведения и социальной неуспешности в дальнейшем, по мнению исследователей, могут приводить: отчужденность в семье (Клейберг, 2018; Кузнецова, 2018), наказания (Кузнецова, 2018; Mwachofi, Imai & Bell, 2020), жестокое обращение (Mwachofi et al., 2020; Schilling, Aseltine & Gore, 2007), отсутствие любви и эмоциональной близости (Собольников, 2016; Трошина, 2017), нарушение эффективных коммуникаций (Реан, Коновалов, Новикова, 2015), низкая родительская компетентность (Руденский, 2018), неспособность родителей адекватно выполнять свои функции (Биктагирова, Валеева, Дроздикова-Зарипова, Калацкая, Костюнина, 2019).

По мнению отечественных и зарубежных авторов, люди, которые подвергались насилию в своей семье, будут демонстрировать целый ряд специфических особенностей, свидетельствующих о виктимизации. Как максимально часто наблюдаемые симптомы принято выделять: эмоциональные сложности (паника, тревога, депрессия и пр.), диссоциативные расстройства, физические проблемы (повышенный рост травматизации, психосоматические заболевания, аутоиммунные расстройства), нарушения самооценки и многое другое (Cicchetti & Banny, 2014; Levenson, Willis & Prescott, 2016).

Исследование Mwachofi, Imai & Bell (2020) было посвящено изучению влияния произошедших в детстве событий на психическое здоровье взрослых Северной Каролины (19187 наблюдений). Было выявлено, что взрослые с низким уровнем психического здоровья и склонностью к депрессии с достоверным ($p < 0,001$) уровнем различия в детском возрасте переживали следующие события: оскорбление со стороны родителей, развод родителей, алкоголизм или наркомания одного из родителей, избивание одного родителя со стороны другого, драки между родителями, психическое заболевание одного из родителей, регулярное физическое наказание или избивание детей, сексуальное насилие. Эти данные согласуются с более ранними исследованиями Schilling, Aseltine & Gore (2007), отмечающими, к тому же, половую и этническую разницу влияния негативных детских переживаний на возникновение антиобщественного поведения, употребление наркотиков и склонность к эмоциональным нарушениям. Гендерные различия воздействия неблагоприятного детского опыта на здоровье взрослых в Саудовской Аравии было исследовано Almuneef, ElChoueiry, Saleheen et al. (2017) на выборке 10156 человек. Авторы отметили, что переживание насилия в детстве у мужчин связано с риском употребления алкоголя, тогда как женщины, подвергшиеся жестокому обращению в детском возрасте, более склонны к депрессии и тревоге.

Переживание виктимизирующего травматического опыта в детстве оказывает крайне негативное влияние на самоотношение и Я-концепцию. Галимзянова (2006), изучая специфику Я-концепции взрослых, подвергающихся насильственному отношению и наказаниям в детстве, отмечает значимость различий в структуре Я-концепции тех, кто подвергался насилию, от участников, не имеющих такого опыта. Наблюдаются различия в Я-образе, самоотношении, степени самоактуализации, в уровне напряженности ведущих защитных механизмов. Автором эмпирически были выявлены следующие ключевые темы наиболее значимых переживаний детства: отвержение со стороны близких, покинутость–брошенность, стыд–унижение, предательство, несправедливость.

Moagi, van Der Wath, Jiyane & Rikhotso (2021) исследовали влияние негативных детских переживаний в контексте изменений сексуальной ориентации. Авторы отмечают, что в группе людей с гомосексуальной ориентацией достоверно выше, чем в группе гетеросексуальных сверстников, распространенность неблагоприятных ситуаций, произошедших в детском возрасте.

Hughes et al. (2017) провели анализ 37 исследований, изучающих последствия различных эпизодов насилия в детстве на состояние физического и психического благополучия во взрослом возрасте. Авторы отмечают закономерности взаимосвязей между количеством насильственных эпизодов, их типового распределения и спецификой возникающих во взрослом возрасте негативных последствий виктимного плана. Так, в ситуации наличия более шести эпизодов насилия в детском возрасте, у взрослого человека в дальнейшем повышался риск

возникновения рискованного сексуального поведения, психических расстройств и алкоголизма. При наличии семи и более эпизодов пережитого в детстве насилия у взрослых отмечен высокий риск алкоголизма, межличностного насилия и аутодеструктивного поведения (Hughes et al., 2017).

Nurius, Green, Logan-Greene & Vorja (2015) приводят исследование, позволяющее делать вывод о влиянии токсических стрессоров, переживаемых в раннем возрасте на такие параметры, как «восприятие благополучия», «психологический стресс» и «нарушение повседневной деятельности». Авторы отмечают, что переживание проблем в детском возрасте создает у личности многоуровневый стресс, который приводит к значительной дисрегуляции гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси мозга, способствует плохому здоровью, снижению уровня образования и более низким социально-экономическим достижениям во взрослой жизни, деструктивным поведенческим привычкам, эмоциональным нарушениям (депрессии, беспокойства, агрессии, риска самоубийства). Также он может приводить к ограниченным защитным отношениям, создавая значительный дефицит ресурсов, угрожать адаптационным способностям человека, приводя к выраженной виктимизации. Неблагоприятные ситуации в раннем возрасте, по мнению авторов (Nurius et al., 2015), служат первичными стрессорами, которые закладывают нарушенные паттерны взаимодействия и неспособность справляться с вторичными стрессорами, что создает проблемы во множестве областей жизни (в получении образования, профессиональном становлении, межличностных отношениях). Также авторы отметили каскадный эффект нарастания неблагополучия: полученный в детском возрасте опыт травматизации, при неблагополучном социальном окружении, приводит к нарастанию негативных последствий для психического здоровья, а подкрепление вторичной травматизацией запускает процессы, угрожающие психическому здоровью и социальной адаптации на уровне психобиологических механизмов. Это подтверждается исследованиями Larkin, Shields & Anda (2012).

Lehmann et al. (2020) в своих исследованиях отмечают нарушение социальной вовлеченности и расстройство привязанности у приемных детей, подвергшихся жестокому обращению со стороны приемных родителей. Из основных поведенческих нарушений авторы отмечают: трудности, связанные с привязанностью, неспособность искать утешение, неспособность принять комфорт, повышенную бдительность, отсутствие раскаяния и отсутствие эмпатии.

Dowd (2019) отмечает влияние пережитого в детстве насилия не только на психическое здоровье и социальное благополучие взрослого, но и на последующее воспитание своих детей и их здоровье. Межпоколенный эффект детской травмы отмечают в своих исследованиях и другие авторы (McDonnell & Valentino, 2016; Schickedanz, Halfon, Sastry, & Chung, 2018). Так, McDonnell & Valentino (2016) обнаружили закономерности возникновения дезадаптивных социально-эмоциональных симптомов у детей, чьи матери испытывали опыт жестокого обращения в детстве. Schickedanz et al. (2018) отмечают у родителей, подвергавшихся жестокому обращению в детстве, чаще рождаются дети с поведенческими проблемами, проблемами со здоровьем. Авторы исследуют, как опыт переживаний насилия в детском возрасте родителей влияет на проблемы поведения у их детей. В исследовании неблагоприятный опыт детства родителя был связан с гиперактивностью, эмоциональным неблагополучием, употреблением психоактивных веществ, нарушением поведения у их детей. При этом авторы отметили более сильную связь между детскими негативными переживаниями у матерей, нежели чем

у отцов (Andersson, Annerbäck, Söndergaard, Hallqvist & Kristiansson, 2021). Хотя указывается на достоверность межпоколенной передачи травмы насилия и для отцовского влияния (Schilling, Aseltine & Gore, 2007). Folger et al. (2018) отмечают, что материнская и отцовская подверженность неблагоприятному детскому опыту виктимизации влияет на способность эффективно решать проблемы, задержку развития речи, личностно-социальные качества и двигательные навыки их детей.

Stoltenborgh, Bakermans-Kranenburg, Alink, van IJzendoorn (2012), анализируя распространенность эмоционального и физического насилия, в нескольких эмпирических исследованиях делают вывод о том, что данная проблема является универсальной и требует особого внимания, так как насилие опосредует изменения не только непосредственно в человеке, но и передается в последующем через поколения.

Таким образом, последствия негативных детских переживаний, связанных с насилием, наказанием, спецификой детско-родительских отношений, не проходят с возрастом, а в ситуации многократной виктимизации, происходящей в семейной системе, деструктивно влияет на многие стороны жизни. Однако исследований, определяющих специфику детерминант конкретного типа виктимного поведения, в научной литературе представлено недостаточно. Цель нашего исследования заключается в изучении структурной детерминации предрасположенности и реализации различных форм виктимного поведения в юношеском возрасте.

Методы

В соответствии с поставленной целью нами было проведено исследование, предполагающее изучение структурной детерминации предрасположенности и реализации различных форм виктимного поведения в юношеском возрасте.

Цель исследования обусловила постановку гипотезы, заключающейся в предположении, что объединение социальных факторов превосходит простую их совокупность и представляет собой целостный синтез, который напрямую обеспечивает реализацию форм виктимности в период юности.

Первично в исследовании участвовали 548 испытуемых юношеского возраста, проживающих в г. Новосибирске. Опрос респондентов проходил очно в формате бланкового тестирования. Все респонденты дали добровольное согласие на участие в исследовании, были ознакомлены с его целями. На первом этапе исследования респондентам была предложена анкета, направленная на сбор социально-биологических данных, таких как пол, возраст, наличие сиблингов, опыт переживания в детстве жестоких форм наказания, переживание насилия.

В результате анализа ответов на анкету было установлено, что 62 % от общей выборки (N = 548) респондентов переживали опыт насилия или наказания в более ранний период. Данная группа респондентов (16–18 лет, средний возраст испытуемых $17,02 \pm 1,3$ года), составила эмпирическую выборку (N = 340), в которую вошли 191 девушка и 149 юношей. На этом же этапе был проведен анализ сопряженности полученных по анкете номинативных переменных по критерию хи-квадрат Пирсона.

На втором этапе производилось тестирование эмпирической выборки по трем опросникам.

- Изучение влияния социальной среды, социальной ситуации и биографии, семейной ситуации на жизненный путь осуществлялось посредством теста «Биографический опросник» (BIV, Bottscher, Jager, Lische) (адаптация Чикер, 2004). Методика представляет собой

многомерный личностный опросник, направленный на изучение свойств личности, сформированных социальной средой, ситуацией и биографией, раскрывающий влияние семьи на жизненный путь.

- Исследование детско-родительских отношений реализовывалось с помощью опросника «Детско-родительские отношения подростков» П. Трояновской (ДРОП) (по Лидерс, 2007). Методика направлена на изучение картины детско-родительских отношений с точки зрения подростка. Опросник может быть использован на всей подростковой и юношеской выборке с учетом разницы возрастных норм.
- Для измерения предрасположенности и реализации различных форм виктимного поведения использовалась «Методика исследования склонности к виктимному поведению» (Андронникова, 2005) с опорой на нормы для подростково-юношеской выборки. Методика направлена на выявление склонности к пяти типам виктимного поведения: агрессивному, самоповреждающему и саморазрушающему, гиперсоциальному, зависимому и беспомощному, некритичному, и степени реализованности внутренней виктимной потенции в конкретных ситуациях.

На третьем этапе осуществлялся расчет структурных детерминант с использованием множественного регрессионного анализа (пошаговая регрессия).

Результаты

Анализ анкеты на первом этапе исследования (N = 548) показал, что 62 % юношей и девушек от общей выборки испытывали опыт негативных эмоциональных переживаний, возникающих вследствие насилия и жестоких форм наказания со стороны родителей или других лиц. Результаты применения χ^2 -Пирсона показали, что наличие сиблингов не связано с переживанием насилия и наказания ($p > 0,05$), также как и сопряженность пола и переживания насилия и наказания не была статистически значимой ($p > 0,05$). В этой связи в дальнейшем исследовании участвовала только группа респондентов, имевшая опыт насилия и наказания в детстве. Анализ данных анкеты позволил выделить ведущие формы наказания, которые переживали участники: эмоциональное насилие (громкий и агрессивный крик; позорят при других; обзывают) – 79 %, физическое наказание (подзатыльник, удар рукой, шлепки ремнем) – 55 %, игнорирование (отказ разговаривать, «делали вид, что меня нет») – 23 %; сексуальное (прикосновение) – 9 %. В дальнейшем мы не стали делить выборку по типам насилия, так как у многих респондентов представлено несколько его типов. В данном исследовании также не учитывался фактор регулярности жестокого обращения и насилия.

Использование множественного регрессионного анализа (на выборке 340 респондентов) позволило выявить шесть статистически значимых моделей ($p < 0,003$), в которых переменными откликами выступали шкалы методики исследования склонности к виктимному поведению, а в качестве переменных предикторов являлись детско-родительские отношения (ДРОП) и факторы, обуславливающие влияние социальной среды, социальной ситуации и биографии, семейной ситуации на жизненный путь (BIV). Было установлено отсутствие мультиколлинеарности по всем моделям ($p > 0,05$).

В таблице 1 представлены результаты по шести регрессионным моделям.

Таблица 1

Итоговые статистики регрессионных моделей

Статистики	I	II	III	IV	V	VI
Множест. R	0,823	0,529	0,698	0,812	0,782	0,823
Множест. R ²	0,677	0,480	0,487	0,659	0,612	0,677
F	9,019	4,090	7,227	10,197	6,188	7,529
p	0,000	0,002	0,000	0,000	0,000	0,000
Стд. Ош. Оценки	2,816	2,300	1,235	1,743	1,933	1,649

Примечание. I – склонность к агрессивному поведению; II – склонность к самоповреждающему поведению; III – склонность к гиперсоциальному поведению; IV – склонность к зависимому поведению; V – склонность к некритичному поведению; VI – реализованная виктимность.

Проведенный регрессионный анализ свидетельствует о прогностическом влиянии моделей детско-родительских отношений и социальных факторов на параметры, отражающие склонность к виктимному поведению подростков. При этом коэффициент множественной корреляции, являющийся статистически значимым ($p < 0,000$), демонстрирует наиболее тесную связь совокупности предикторов и склонности к агрессивному поведению ($R = 0,82$), к зависимому поведению ($R = 0,81$) и к реализованной виктимности ($R = 0,82$). Умеренные связи обнаружены между совокупностью социальных факторов и склонностью к гиперсоциальному ($R = 0,69$) и самоповреждающему поведению ($R = 0,53$) с вероятностью ошибки менее 0,01 %. Кроме того, совместный вклад переменных предикторов в каждой модели, варьирующийся от $R^2 = 0,53$ до $R^2 = 0,82$, отражает структурную детерминацию форм виктимного поведения подростков социальными факторами. Значит, в плане обусловленности форм виктимного поведения подростков имеют место эффекты «супераддитивности», демонстрирующие интегрированность и структурность влияния социальных факторов (Карпов, Перевозкина, Андронникова, 2019). В этой связи важно зафиксировать формирование новых тенденций, позволяющих выйти за пределы анализа отдельного влияния социальных факторов на виктимное поведение подростков и рассматривать уже их совместную структурную детерминацию.

Обсуждение результатов

Рассмотрим последовательно каждую модель. Так, склонность к агрессивному поведению детерминируют в основном такими шкалами, как «требовательность» и «экстраверсия», вносящими наибольший положительный вклад ($> 0,5$), а также «враждебность родителя по отношению к своему супругу», вносящей меньший, но также положительный вклад (табл. 2). Наибольший отрицательный вклад вносит «удовлетворенность отношениями с родителями», несколько меньше – «мониторинг» и «контроль» как стили родительского воспитания.

Таблица 2

Итоги регрессии для зависимой переменной «Шкала склонности к агрессивному виктимному поведению»

Предикторы	БЕТА	B	t	p-знач.
Св. член		0,779	2,22	0,005
Экстраверсия	0,454	0,980	5,14	0,000
Удовлетворенность отношениями	-0,467	-0,293	-3,84	0,000
Мониторинг	-0,352	-0,304	-2,81	0,007
Требовательность	0,562	0,572	4,69	0,000
Враждебность по отношению к супругу	0,213	0,299	2,39	0,020
Контроль	-0,270	-0,245	-2,28	0,026

Следовательно, совокупность чрезмерной требовательности в воспитании по отношению к ребенку, неосведомленность родителя о его делах и интересах, отсутствие контроля со стороны родителя, открытое выражение враждебности по отношению к другому супругу, неудовлетворенность семейными отношениями у родителей и высокая импульсивность порождают проявление агрессивности в поведении респондентов. Это выражается в склонности провоцировать молодыми людьми конфликтные ситуации, реализовывать антиобщественную деятельность в виде агрессии к окружающим людям, нарушения социальных норм и правил. В поведении таких респондентов нередко проявляются вспыльчивость и нетерпеливость, желание доминировать и проявлять насилие. Полученные нами данные согласуются с исследованием Ермолаевой и Смирновой (2020).

Более того, такое взаимовлияние носит характер структурной детерминации, так как множественный коэффициент детерминации (R^2) выступает отчетливым индикатором структуры компонентов и является статистически значимым. Это означает, что виктимное поведение в юношеском возрасте обусловлено не отдельным фактором, связанным с семейным воспитанием или социальным опытом юноши, а их совокупностью.

Регрессионная модель для зависимой переменной склонности к самоповреждающему поведению образована всего двумя предикторами: экстраверсией (импульсивностью) юношей и авторитарностью родителя, вносящими положительный вклад в переменную отклик (регрессионную модель) (табл. 3).

Таблица 3

Итоги регрессии для зависимой переменной «Шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению»

Предикторы	БЕТА	B	t	p-знач.
Св. член		10,36	4,85	0,000
Экстраверсия	0,400	0,50	3,63	0,001
Авторитарность	0,257	0,12	1,74	0,046

Полная и неконтролируемая власть родителя над ребенком и импульсивность в поведении самого ребенка обуславливают проявление необдуманных поступков, приносящих вред как самому субъекту, так и окружающим его людям. Причиняя себе ущерб неосторожными действиями или умышленно, такие респонденты зачастую провоцируют других на активные действия насильственного характера против себя, иногда не осознавая собственных поступков. В первую очередь это взаимообуславливание виктимных аутоагрессивных форм поведения ребенка и ужесточение дисциплинарных мер со стороны родителя, что согласуется с данными ряда исследований (Ballano, 2019; Moffitt, 1993; Patterson & Yoerger, 2002).

Следующая статистически значимая регрессионная модель демонстрирует, что склонность к гиперсоциальному поведению образована пятью переменными предикторами, среди которых четыре вносят положительный и одна отрицательный статистически значимый вклад (табл. 4).

Таблица 4

Итоги регрессии для зависимой переменной «Шкала склонности к гиперсоциальному поведению»

Предикторы	БЕТА	B	t(61)	p-знач.
Св. член		4,821	2,67	0,010
Экстраверсия	-0,582	-0,456	-5,55	0,000
Принятие решений	0,382	0,128	3,54	0,001
Стиль воспитания	0,325	0,139	2,43	0,018
Принятие	0,287	0,100	2,03	0,046

Наибольший положительный вклад в изменчивость гиперсоциального поведения вносят такие шкалы, как «принятие решений» (0,38) и «стиль воспитания» (0,33). Несколько меньший вклад обнаруживает шкала «принятие ребенка» (0,29) и значительный отрицательный вклад вносит «экстраверсия» (-0,58). Это свидетельствует о том, что взаимодействие излишней демонстрации родителем любви и внимания, проявления невротической неуверенности в принятии решения и стратегиях воспитания, носящее непоследовательный характер, деструктивных взаимоотношений между супругами и невысокой социальной активности юношей, предпочитающих уединенный образ жизни, приводят к реализации гиперсоциальной формы виктимного поведения. Такое поведение характеризуется уходом от конфликта и избеганием его любыми путями, даже если это негативно влияет на самого респондента. Юноши и девушки, которым характерна гиперсоциальная форма виктимного поведения, отличаются тревожностью и неуверенностью, предпочитают находиться в нереальной, фантазийной сфере и специфически организуют социальные контакты.

Доминирующий статистически значимый вклад в склонность к зависимому и беспомощному поведению вносят совокупность таких стратегий родительского взаимодействия с ребенком, как неврозогенный стиль воспитания в совокупности с неуверенностью родителя, непринятие и непонимание чувств и потребностей ребенка, а также конфликты между супругами (табл. 5).

Таблица 5

Итоги регрессии для зависимой переменной «Шкала склонности к зависимому и беспомощному поведению»

Предикторы	БЕТА	B	t(58)	p-знач.
Св. член		0,148	0,06	0,950
Стиль воспитания	0,532	0,383	4,42	0,000
Неуверенность родителя	0,461	0,360	5,12	0,000
Принятие	-0,365	-0,214	-2,48	0,016

Именно влияние неврозогенного стиля взаимодействия родителей обуславливает появление у испытуемых зависимого и беспомощного поведения. Оно сопровождается робостью, скромностью, пониженной самооценкой, уступчивостью, склонностью оправдывать чужую агрессию, трусостью, наличием беспомощного состояния. Ожидание постоянной помощи от других делает такого ребенка зависимым от окружающих, что способствует его вовлечению в кризисные ситуации с целью получения сочувствия и поддержки, которое сохраняется и в более старшем возрасте. Данный вывод коррелирует с результатами исследований, отмечающих тревожность и зависимость как основные следствия неврозогенного стиля воспитания и насильственного отношения к ребенку (Cicchetti & Banny, 2014; Levenson, Willis & Prescott, 2016).

Довольно конфликтное сочетание предикторов обнаружено в переменных отклика в модели – склонность к некритичному поведению (табл. 6).

Таблица 6

Итоги регрессии для зависимой переменной «Шкала склонности к некритичному поведению»

Предикторы	БЕТА	B	t(55)	p-знач.
Св. член		7,531	2,49	0,016
Экстраверсия	0,284	0,380	2,90	0,005
Принятие	0,464	0,275	3,12	0,003
Мониторинг	-0,829	-0,445	-5,67	0,000
Эмпатия	0,425	0,215	2,08	0,042
Удовлетворение потребностей ребенка	0,774	0,388	5,09	0,000
Оказание поощрений	-0,437	-0,428	-3,73	0,000
Авторитарность	0,448	0,218	3,32	0,002
Неадекватность образа ребенка	-0,290	-0,175	-2,49	0,016
Принятие решений	-0,243	-0,139	-2,19	0,033
Поощрение автономности	-0,299	-0,163	-2,38	0,021
Стиль воспитания	0,363	0,265	2,65	0,011

Так, с одной стороны, в регрессии присутствуют шкалы, содержательно раскрывающие положительные детско-родительские отношения, такие как понимание эмоций ребенка, эмпатия, удовлетворение потребностей ребенка, принятие его образа, социальной активности самого ребенка. С другой стороны, явно выражены шкалы, содержащие отрицательное отношение к ребенку в виде отсутствия поощрений его поступков, с другой – наблюдается отсутствие у ребенка автономности, демонстрация собственной неуверенности в принятии решений, неосведомленность об интересах ребенка у родителя, неврозогенный стиль воспитания и конфликты между супругами. Такое дисгармоничное соединение продуцирует у испытуемых склонность к некритичному поведению, характеризующемуся неосмотрительностью, неосторожностью, неумением правильно оценить ситуации жизнедеятельности, в которых он оказывается. Такое противоречивое сочетанное влияние имеет свое подтверждение в наших более ранних исследованиях (Андронникова, 2005) и расширяет исследования адаптации старших подростков, склонных к риску (Сухорукова, Кошенова, 2019).

Конфликтной и дисгармоничной представлена еще одна регрессионная модель для переменной отклика – реализованная виктимность (табл. 7).

Таблица 7

Итоги регрессии для зависимой переменной «Шкала реализованной виктимности»

Предикторы	БЕТА	B	t(54)	p-знач.
Св. член		3,354	1,22	0,008
Социальная активность	0,226	0,264	2,17	0,034
Стиль воспитания	0,460	0,311	3,38	0,001
Неуверенность родителя	0,331	0,242	3,52	0,001
Авторитарность	0,376	0,169	2,43	0,019
Удовлетворение потребностей ребенка	0,379	0,176	3,08	0,003
Мониторинг	-0,429	-0,213	-3,36	0,001
Неадекватность образа ребенка	-0,240	-0,134	-2,34	0,023
Принятие решений	-0,246	-0,130	-2,04	0,047
Сотрудничество	0,402	0,224	2,18	0,033
Поощрение автономности	-0,284	-0,143	-2,03	0,047

Так же, как и в предыдущем случае, можно наблюдать присутствие шкал, говорящих о наличии положительных детско-родительских отношений, сопровождающихся негативными родительскими стратегиями. Неконструктивные способы взаимодействия с ребенком проявляются в дальнейшем в его неспособности устанавливать и поддерживать социальные контакты. Отсутствие проявления у родителей интереса к жизни ребенка, игнорирование его самостоятельности, неуверенность родителей при принятии решений и авторитарность приводят в юношеском возрасте к выраженной реализации виктимности в конкретных ситуациях, в том числе и криминальных. В случае сочетания негативных детско-родительских отношений с сотрудничеством и удовлетворением потребностей ребенка у респондентов юношеского возраста появляется реализованная виктимность, особенностями которой является превращение молодого человека в жертву преступления или обстоятельств. Специфика данной регрессионной модели требует дополнительного изучения, что обозначает перспективы развития дальнейших исследований.

Заключение

Таким образом, осуществленный регрессионный анализ демонстрирует прогностическое влияние социальных факторов на возникновение склонности к виктимному поведению у респондентов в период юности. В рамках проведенных исследований мы пришли к ряду значимых выводов.

Во-первых, имеет место наличие полисистемного принципа. Каждый тип виктимного поведения предполагает объединение определенных социальных факторов в иерархической последовательности, вносящих различный вклад в реализацию склонности к виктимному поведению.

Во-вторых, более подвержены влиянию социальной среды, семейной ситуации такие формы виктимного поведения, как склонность к агрессивному виктимному и некритичному поведению, а также реализованная виктимность. Причем две последние формы характеризуются сочетанием как положительных, так и отрицательных социальных факторов, что отражает дисгармоничность в детско-родительских отношениях. Для агрессивной и самоповреждающей форм виктимного поведения общим триггером выступает импульсивная природа характера самого ребенка, которая в совокупности с авторитарностью, враждебностью родителей и склонностью к необоснованным наказаниям, обуславливает реализацию данных видов виктимности.

Во-третьих, в рамках множественного регрессионного анализа было обнаружено не только отдельное влияние предикторов на переменную отклик, но и их взаимное или даже структурное воздействие. В данном случае отчетливо представлен вклад каждого социального фактора в реализацию отдельных форм виктимности и доля их совместного влияния на переменную отклик в виде коэффициента множественной корреляции.

В-четвертых, в плане обусловленности форм виктимного поведения юношей имеют место эффекты «супераддитивности», демонстрирующие интегрированность и структурность влияния социальных факторов, и в большей степени семейных отношений, носящих конфликтный и дисгармоничный характер. Более того, такое взаимовлияние носит характер структурной детерминации, так как множественный коэффициент детерминации выступает отчетливым индикатором структуры компонентов и является статистически значимым. В этой связи важно зафиксировать формирование новых тенденций, позволяющих выйти за пределы анализа отдельного влияния социальных факторов на виктимное поведение, и рассматривать их совместную структурную детерминацию. Следовательно, гипотеза о том, что объединение социальных факторов превосходит простую их совокупность и представляет собой целостный синтез, который напрямую обеспечивает реализацию форм виктимности, подтверждена.

Намечены дальнейшие перспективы исследований, касающиеся более детального изучения конфликтных сочетаний предикторов, обнаруженных в переменных отклике, опосредующих склонность к некритичному поведению и реализацию виктимного потенциала в виде поведения в конкретной ситуации.

Благодарности

Авторы выражают благодарность Забродину Ю. М, нашему соавтору и коллеге, внесшему неоспоримый вклад в развитие психологической науки, и скорбят о его кончине.

Литература

- Авдеева, Н. Н., Хоффман, Б. Э. (2019). Актуальные направления исследований взаимоотношений подростков с родителями. *Современная зарубежная психология*, 8(4), 69–78. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080407>
- Андронникова, О. О. (2005). *Виктимное поведение подростков: факторы возникновения и профилактика*. Новосибирский государственный педагогический университет.
- Белобрыкина, О. А., Лимонченко, Р. А. (2017). Особенности переживания психологических проблем девиантными подростками. *Национальный психологический журнал*, 4, 129–138.

- <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0413>
- Биктагирова, Г. Ф., Валеева, Р. А., Дроздикова-Зарипова, А. Р., Калацкая, Н. Н., Костюнина, Н. Ю. (2019). *Профилактика и коррекция виктимного поведения студенческой молодежи в Глобальной сети Интернет: теория, практика*. Отечество.
- Галимзянова, М. В. (2006). *Субъективные переживания детства и Я-концепция взрослого*. Санкт-Петербургский государственный университет.
- Ермолаева, М. В., Смирнова, О. В. (2020). Особенности родительского общения как фактор психологического благополучия подростков. *Психологическая наука и образование*, 25(1), 51–62. <https://doi.org/10.17759/pse.2020250105>
- Карпов, А. В., Перевозкина, Ю. М., Андронникова, О. О. (2019). Темпоральная системность ролевой социализации личности. *Перспективы науки и образования*, 41(5), 359–372. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.5.25>
- Клейберг, Ю. А. (2018). Типология деструктивного поведения. *Вестник Краснодарского университета МВД России*, 1, 130–135.
- Кузнецова, М. Н. (2018). Особенности взаимоотношений в семьях с подростками, склонными к деструктивному поведению. *Молодой ученый*, 42(228), 165–167.
- Лидерс, А. Г. (2007). *Психологическое обследование семьи*. Издательский центр «Академия».
- Перевозкин, С. Б., Андронникова, О. О., Перевозкина, Ю. М. (2018). Ролевая структура подростков в межличностном взаимодействии. *Science for Education Today*, 8(1), 23–44. <https://doi.org/10.15293 / 2226-3365.1801.02>
- Реан, А. А., Коновалов, И. А., Новикова, М. А. (2015). Семья в представлении подростков с просоциальным и асоциальным поведением. *Мир психологии*, 93(1), 75–86.
- Руденский, Е. В. (2018). Виктимология детства и виктимология семьи: концептуализация новых разделов социально-психологической виктимологии личности. *Psychology. Educology. Medicine*, 3, 91–102.
- Собольников, В. В. (2016). Деструктивная семья как фактор делинквентной социализации несовершеннолетних. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 5(5), 21–33.
- Сухорукова, М. Г., Кошенова, М. И. (2019). Особенности социально-психологической адаптации старших подростков, склонных к риску. *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*, 3, 71–85.
- Трошина, Н. В. (2017). Формы агрессивного выражения деструктивности в современном обществе. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 81(7), 193–195.
- Чикер, В. А. (2004). *Психологическая диагностика организации и персонала*. Речь.
- Almuneef, M., ElChoueiry, N., Saleheen, H. N. et al. (2017). Gender-based disparities in the impact of adverse childhood experiences on adult health: findings from a national study in the Kingdom of Saudi Arabia. *International Journal for Equity in Health*, 16(90). <https://doi.org/10.1186/s12939-017-0588-9>
- Andersson, S. O., Annerbäck, E. M., Söndergaard, H. P., Hallqvist, J., & Kristiansson, P. (2021). Adverse Childhood Experiences are associated with choice of partner, both partners' relationship and psychosocial health as reported one year after birth of a common child. A cross-sectional study. *PloS one*, 16(1). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0244696>
- Ballano, O. V. (2019). *Celibacy and Social Disorganization in the Catholic Hierarchy*. In: *Sociological*

- Perspectives on Clerical Sexual Abuse in the Catholic Hierarchy*. Springer Briefs in Religious Studies. Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-13-8825-5_4
- Moagi, M. M., van Der Wath, A. E., Jiyane, P. M., & Rikhotso, R. S. (2021). Mental health challenges of lesbian, gay, bisexual and transgender people: An integrated literature review. *Health SA Gesondheid*, 26, 1487. <https://doi.org/10.4102/hsag.v26i0.1487>
- Cicchetti, D., & Banny, A. (2014). A developmental psychopathology perspective on child maltreatment. In M. Lewis & K. D. Rudolph (Eds.), *Handbook of developmental psychopathology* (723–741). https://doi.org/10.1007/978-1-4614-9608-3_37
- Dowd, M. D. (2019). The Relevance of Parental Adverse Childhood Experiences in Pediatric Practice. *Pediatric annals*, 48(12), 463–465. <https://doi.org/10.3928/19382359-20191118-03>
- Folger, A. T., Eismann, E. A., Stephenson, N. B., Shapiro, R. A., Macaluso, M., Brownrigg, M. E., & Gillespie, R. J. (2018). Parental Adverse Childhood Experiences and Offspring Development at 2 Years of Age. *Pediatrics*, 141(4). <https://doi.org/10.1542/peds.2017-2826>
- Gove, W. R., & Crutchfield, R. D. (1982). The family and juvenile delinquency. *The Sociological Quarterly*, 23(3), 301–319. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1982.tb01014.x>
- Hirschi, T. (1969). *Causes of delinquency*. University of California Press.
- Hughes, K., Bellis, M. A., Hardcastle, K. A., Sethi, D., Butchart, A., Mikton, C., Jones, L., & Dunne, M. P. (2017). The effect of multiple adverse childhood experiences on health: a systematic review and meta-analysis. *The Lancet. Public health*, 2(8), 356–366. [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(17\)30118-4](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(17)30118-4)
- Larkin, H., Shields, J., Anda, R. (2012). The Health and Social Consequences of Adverse Childhood Experiences (ACE) Across the Lifespan: An Introduction to Prevention and Intervention in the Community. *Journal of Prevention & Intervention in the Community*, 40(4), 263–270. <https://doi.org/10.1080/10852352.2012.707439>
- Lehmann, S., Monette, S., Egger, H., Breivik, K., Young, D., Davidson, C., & Minnis, H. (2020). Development and examination of the reactive attachment disorder and disinhibited social engagement disorder assessment interview. *Assessment*, 27(4), 749–765. <https://doi.org/10.1177/1073191118797422>
- Levenson, J. S., Willis, G. M., & Prescott, D. S. (2016). Adverse Childhood Experiences in the Lives of Male Sex Offenders: Implications for Trauma-Informed Care. *Sexual abuse: a journal of research and treatment*, 28(4), 340–359. <https://doi.org/10.1177/1079063214535819>
- McDonnell, C. G., & Valentino, K. (2016). Intergenerational Effects of Childhood Trauma: Evaluating Pathways Among Maternal ACEs, Perinatal Depressive Symptoms, and Infant Outcomes. *Child maltreatment*, 21(4), 317–326. <https://doi.org/10.1177/1077559516659556>
- Moffitt, T. E. (1993). Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy. *Psychological Review*, 100(4), 674–701. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.100.4.674>
- Mwachofi, A., Imai, S., Bell, R. A. (2020). Adverse childhood experiences and mental health in adulthood: Evidence from North Carolina. *Journal of Affective Disorders*, 267, 251–257. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.02.021>
- Nurius, P. S., Green, S., Logan-Greene, P., & Borja, S. (2015). Life course pathways of adverse childhood experiences toward adult psychological well-being: A stress process analysis. *Child abuse & neglect*, 45, 143–153. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2015.03.008>
- Patterson G. R., & Yoerger, K. (2002). A developmental model for early- and late-onset delinquency. *Antisocial behavior in children and adolescents: A developmental analysis and model for*

- intervention*. In J.B. Reid, G.R. Patterson, & J. Snyder (Eds.). American Psychological Association. 147–172. <https://doi.org/10.1037/10468-007>
- Schickedanz, A., Halfon, N., Sastry, N., & Chung, P. J. (2018). Parents' Adverse Childhood Experiences and Their Children's Behavioral Health Problems. *Pediatrics*, 142(2). <https://doi.org/10.1542/peds.2018-0023>
- Schilling, E. A., Aseltine, R. H., & Gore, S. (2007). Adverse childhood experiences and mental health in young adults: a longitudinal survey. *BMC Public Health*, 7(30). <https://doi.org/10.1186/1471-2458-7-30>
- Stoltenborgh, M., Bakermans-Kranenburg, M. J., Alink, L. R. A., van IJzendoorn, M. H. (2012). The Universality of Childhood Emotional Abuse: A Meta-Analysis of Worldwide Prevalence, *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, 21(8), 870–890. <https://doi.org/10.1080/10926771.2012.708014>

Поступила в редакцию: 5.12.2022

Поступила после рецензирования: 22.03.2023

Принята к публикации: 25.03.2023

Заявленный вклад авторов

Ольга Олеговна Андронникова – разработка и формирование концепции и дизайна исследования, анализ научной литературы, подготовка литературного обзора, подготовка и доработка исследовательской части текста, интерпретация полученных данных, концептуализация выводов.

Юлия Михайловна Перевозкина – проведение исследования, разработка методологической составляющей проведения исследования, количественная и качественная обработка полученных данных, оформление результатов.

Олеся Игоревна Леонова – проведение исследования, участие в обработке материала, редактирование статьи.

Информация об авторах

Ольга Олеговна Андронникова – кандидат психологических наук, доцент, декан факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет (ФГБОУ ВО НГПУ), г. Новосибирск, Российская Федерация; WOS ResearcherID: D-2926-2014; Scopus Author ID: 57193952779; SPIN-код: 9118-8231; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1756-7682>; e-mail: andronnikova_69@mail.ru

Юлия Михайловна Перевозкина – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой практической и специальной психологии, Новосибирский государственный педагогический университет (ФГБОУ ВО НГПУ), г. Новосибирск, Российская Федерация; WOS ResearcherID: D-6891-2014; Scopus Author ID: 57193958447; SPIN-код: 2577-1927; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4201-3988>; e-mail: per@bk.ru

Олеся Игоревна Леонова – кандидат психологических наук, ведущий аналитик сектора развития квалификаций и профессиональных стандартов работников образования и социальной сферы, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация; Scopus Author ID: 57204054744; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9916-3947>; e-mail: olesya_leonova@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.